

**Валентин Григорьевич
Рудский.**

Ветеран Великой Отечественной войны, фенолог, эколог, «Заслуженный учитель школы РФ», «Почетный гражданин г. Томска», «Почетный гражданин Каргасокского района»

(г. Томск)

Воспоминания о жизни в Среднем Васюгане и Новом Васюгане в 30-е г.г. XX в.

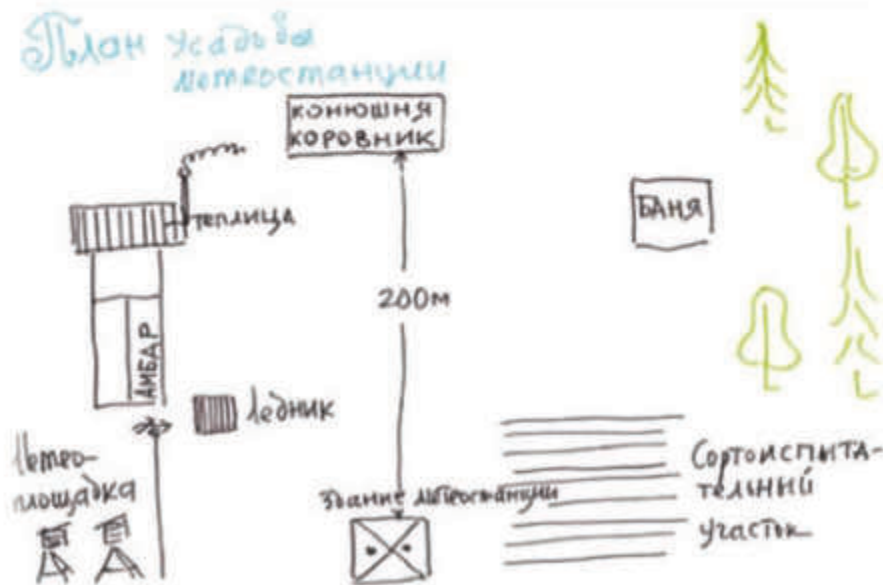
Часть 1

«Наша семья приехала в Средний Васюган в одно время с началом коллективизации. На баржах везли в то время спецпереселенцев (так называли этих людей), баржи останавливались не около поселков, а вдали от них, и приставали к берегу, где был лес. Люди выгружали свое нехитрое имущество и сразу начинали строить землянки. Падали с треском подрубленные деревья, горели костры, в повешенных вёдрах что-то варилось, суетились люди, кричали и плакали дети. Я смутно помню события тех лет. Начисто выпало у меня из памяти то, на чем и как мы добирались

до села Васюганского, так назывался тогда Средний Васюган. Отца направили сюда работать на метеостанции.

Уже через много лет спустя я пытался найти хоть какие-то документы, объясняющие причину нашего переезда. По моему запросу из Парабелы и Новосибирска прислали копии приказа по Новосибирской Гидрометеослужбе. Отцу предписывалось ехать из села Парабель в Каргасок, где нужно было подыскать судно, рейсирующее (от слова «рейс») по реке Васюгану, и договориться о возможности перевезти семью с вещами до места назначения, то есть до Среднего Васюгана, и там принять метеостанцию. Как мама потом мне рассказала, никаких пассажирских судов и рейсов по реке Васюгану в те годы не существовало. Отцу с трудом удалось уговорить колхозников, и они взялись довести на лодке до Васюганского невесть откуда взявшихся пассажиров. Это было лето 1929 года. Год этот был для нашей семьи счастливым и

трагическим. Только что был осужден и расстрелян за отказ вступить в колхоз мамин брат. А у нас родился Юлий, мой брат. Вот в это время мы и отправляемся в путь. Наша семья была такая: папа с мамой да нас трое сыновей и наш двоюродный брат Сергей из семьи только что погибшего маминого брата Большанина Василия Васильевича, псаломщика Христорождественской церкви в Парабели. Папа стал приучать 16-летнего Серёжу к работе на метеорологической площадке, вести наблюдения по приборам, а с этого времени он был зачислен в штат сотрудников метеостанции. Впоследствии он работал самостоятельно наблюдателем, и потом многие годы и начальником Средне-Васюганской метеостанции до своего перевода на ту же должность в село Прохорки на Оби.

Переезд из Парабели в село Средний Васюган мало запомнился как и первый год жизни, мне тогда было четыре с половиной года. Средний Васюган был небольшим старинным селом всего в одну улицу, протянувшуюся по берегу реки Васюган. Вдоль кромки берега, рядом с обрывом проходила дорога от церкви и до школы, которая стояла на Шаманском (Шайтановом) мысу, а церковь, кстати сказать, стояла на другом мысу коренного берега, образованного рекой Васюганом и неширокой курьёй под названием «Варежка», она была левым притоком Васюгана.

Вселение людей на Шаманский мыс было неслучайным. Отсюда открывался вид на Васюганскую пойму и на сам Васюган, до которого было километра два. В весеннее половодье вода омывала оба склона мыса, и это было выгодно поселенцам в военном и хозяйственном отношении. Шаманский мыс (археологи называют его Шайтанским)¹ расположен на коренном левом берегу реки Васюган на западной окраине современного поселка Средний Васюган. Первые поселенцы появились здесь в эпоху железа и бронзы, то есть около трёх с половиной тысяч лет назад. Теперь это усадьба школы. Тогда это было место, заросшее густым хвойным лесом. Само поселение хорошо обозначалось ровом. Мне было тогда лет 5 – 6, я спускался в этот ров, он не был глубоким, в мой рост, и представлял собой правильный круг, понижающийся к центру. Если весь дом был под землёй, то выхода из дома могло быть два: к обоим склонам Шаманского мыса. Если даже сейчас нельзя увидеть самого места поселения, но представить, где оно находилось, можно. Возможно, древние люди жили здесь не один год и даже не два, а достаточно долго, может быть несколько десятилетий или столетий. Я могу подтвердить это следующими соображениями. Неподалеку от Шаманского мыса в ограде современной метеостанции стояла сухая лиственница, она

¹ В книге «Археологическая карта», Л.А.Чиндина и др., стр.179, изд-во ТГУ, 1990

была священным деревом для местных эвенков (мы их называли тунгусами), кочевавших по окрестным лесам. Раз в год эвенки приезжали в Средний Васюган и всякий раз заезжали в ограду метеостанции. С какой целью они приезжали? Скорей всего в пушную факторию, чтобы сдать добытую пушнину и запастись продуктами, боеприпасами, товарами первой необходимости. Но вот они уехали, а я вижу на лиственнице, на её нижних сухих ветвях, подвязанные полоски тканей. Их привязали гости. Меня они не интересовали, эти тряпочки, у меня был другой интерес. Я собирал старинные предметы, которые я находил в траве вокруг лиственницы и поблизости от нее. Со временем у меня накопилось найденных предметов целый сундучок, который подарил мне отец, видимо, поощрявший моё увлечение. А я сейчас считаю, что лиственница росла в месте поклонения древних людей своим богам, и место это было священным для них и, может быть, оно является таковым и до сих пор, если эвенки есть в Среднем Васюгане и если они сохранили верность памяти своих предков.

В июне 2007 года я был на выставке Кулайской культуры, организованной Томским областным краеведческим музеем. Там, среди показанных экспонатов, я увидел и такие, которые были в моей коллекции, собранной в ограде метеостанции под «священной» лиственницей. Но моя коллекция была намного обширнее, чем эта, которую я рассматривал с превеликим интересом. У меня и сейчас хранится один из сундучков, которые подарил нам с Фёдей отец, видя нашу страсть к собирательству. Сундучок небольшой размером 27x28x46 см, но он был полон находками, которые дополнялись после каждого дождя, их размывало, и я брал только то, что лежало на поверхности, возможно отец рассказывал нам об археологии и искусстве собирательства исторических экспонатов, когда самодеятельное непрофессиональное раскапывание не допускалось. И я этого никогда не делал, брал только то, что лежало на поверхности.

Дома в Среднем Васюгане были одноэтажные, двухэтажных домов было всего два или три. В одном из них, крайнем в сторону метеостанции жила большая семья Смирновых. Один мальчик из этой семьи, был моим ровесником и приятелем по играм. Звали его Миша. В другом двухэтажном доме была почта. Кто-то из работников метеостанции каждый день ходил на почту «отбить» телеграмму о погоде за прошедшие сутки. И меня брали с собой, и я таким образом получал возможность лишней разок побывать в деревне. За деревней в сторону, противоположную от реки, был заболоченный лес. Обойдя его от церкви, мы ходили собирать бруснику. Значит, это было недалеко, коль родители не боялись брать с собой малых сыновей. Надо тут сказать, что метеостанция стояла на краю села в густом кедровом лесу и, собственно, сразу от дома можно было уйти в глухую тайгу. Что мы с моими старшими братьями и делали – уходили часто в тайгу. Это не считалось каким-то выдающимся событием, жизнь в лесу постепенно приучала детей не бояться леса, а главное учила хорошо ориентироваться и не блудить в лесу. Не помню, чтобы родители запрещали нам ходить в лес. Помню даже, как однажды взрослые женщины ходили с нами, малыми деревенскими пацанами, за ягодой и, заблудившись в лесу, неверно выбрали направление домой в деревню. Я каким-то четвёртым чувством сразу же определил, что домой надо идти в противоположную сторону, женщины не послушались, не вняли моим доводам, довели меня до слёз. На наше счастье, на просеке нам встретился знакомый лесничий, он указал правильную дорогу в село, она совпала с направлением, выбранным мной. «Парнишка правильно говорит», - сказал лесничий.

Помню ещё такой случай. В тот день отец повёз нас с братом Федей на обласке в «большую воду» на рыбалку по затопленной пойме Васюгана, на Лисий мыс. Так, кажется, называлось то место на коренном берегу, за теперешним аэропортом. Погрузились

прямо под горой около метеостанции и, обогнув Шаманский мыс, поплыли к видневшемуся на горизонте темному лесу. Пробыли на рыбалке весь день, варили уху на костре и возвращались домой уже затемно. И вдруг в полной тишине мы услышали у берега какие-то звуки. Мы остановились и прислушались. Это стонал человек. Отец повернул обласок в ту сторону. Вскоре мы увидели в кустах обласок, на дне лежал человек и стонал. Отец высадил нас на берег и сказал нам, чтобы мы шли домой, а сам вернулся к тому человеку в обласке. До сих пор удивляюсь, как мог отец отправить двоих детей, своих сыновей, ночью в тайгу. Мне было едва ли семь лет, а брат на четыре года старше меня. Тайга даже днем может быть опасной и страшной. Знал брат хорошо направление домой или его вела интуиция, подсознательное чувство, которое и мне указало в другом месте правильную дорогу домой, и знал ли об этом отец? Скорей всего знал и, как я теперь вспоминаю, он часто брал нас собой в тайгу и, скорей всего, не без умысла. Времена были тогда непростые. Спецпереселенцы высаживались в тайгу с минимумом средств для существования. Среди них свирепствовали болезни и голод. Многие умирали. Рассказы об этом доходили и до нас. А однажды отец пришёл домой, ведя за руку девочку лет двенадцати. Дома он казал: «Это Катя. Она будет жить у нас». И наша семья увеличилась еще на одного человека.

К домам со стороны леса примыкали огороды, на которых сажали картошку, лук и кое-какие овощи. В нижнем конце села на высоком мысу стояла небольшая и, надо сказать, красивая церковь. В те годы, когда мы приехали в Средний Васюган, она как церковь уже не работала. В ней был клуб. Поставили две печки, сделали сцену. В селе был детский дом и средняя школа. Здание этой школы только перед нашим приездом было построено, может быть за год-два до этого. В ней учились в основном детдомовские ребята. А деревенских ребят было намного меньше. Возможно,

и школу построили в расчете на увеличение населения, в связи с высылкой «раскулаченных», как тогда говорили. В селе был небольшой колхоз, который держал немного лошадей. Не помню, чем ещё занимались колхозники. Возможно охотой и рыболовством. В селе была пушная фактория, управлял которой Мартемьянов Александр (отчество его не помню). Он был приятелем моего отца. Они часто встречались. Отец водил меня с собой в контору пушной фактории, где мне показывали шкурки соболей, белок и других охотничьих трофеев. Возможно, тогда у отца и появилась страсть к охоте, по ограде метеостанции забегали охотничьи собаки: лохматый сеттер Полкан и сибирская лайка Абрек, белого окраса, и, конечно, появились различные охотничьи ружья. В том числе и два знаменитых в то время ружья - гладкоствольные курковые переломки бельгийского производства «зауэр-трикольца». Знакомые эвенки, заезжающие к нам, подержав в руках ружья, поцокав языками, говорили: «Хорошо. Лучше». Было ещё и третье ружьё, пистонное, не переломка. Потом папа его нам с Фёдей подарил. Заряжалось оно с дула, засыпалась вначале мерка черного пороха, запыхивалось, потом опускалась на пыж одна единственная дробина и снова запыхивалось. А мы насыпали в дуло несколько мелких дробинок, для верности. Старик-эвенк, подержав в руках и это ружьё, говорил: «Лучше!». Видимо, он имел в виду свою берданку и сравнивал её с этим пистонным ружьём. Эта была лучше.

В 1937 году по сфабрикованному делу о якобы принадлежности к террористической организации «Союз спасения России» отец был арестован и расстрелян. Причиной ареста, очевидно, было то, что до Октябрьской революции он был офицером царской армии, потомственным дворянином герба Абданк Царства Польского. Все три ружья при аресте отца в 1937 году были конфискованы, но в протоколе были записаны лишь два ружья. И я

получил компенсацию, кажется, в 1959 году за всё конфискованное, 94 рубля. Столько стоила жизнь моего отца.

За пять лет, пока мы жили в Среднем Васюгане с 1930 и по 1934 год, в селе произошли существенные изменения. Начиная от школы на Шайтановом мысу, и вдоль берега «крутого» выросла целая улица домов, изб и избышек, вплоть до землянок, где поселились спецпереселенцы. В 1966 году, уже будучи учителем Кargasокской средней школы № 1, я совершал поездку по Васюгану с кружковцами. Средний Васюган не узнал: сохранилась только география поселения, а всё остальное было переделано людьми «под себя», что называется. От Береговой улицы, самой первой улицы в поселке (тогда она никак не называлась), теперь протянулись параллельно ей несколько улиц по тем местам, где в те далёкие 30-е годы размещался заболоченный кедрач, заросший багульником и голубикой. Кто бы мог подумать, что под этой растительностью залегает чистый песок и песчаник и в этой породе на большой глубине, как в промокашке, впитались нефть и газ.

Поэтому Средний Васюган является историческим перекрёстком, на котором читается судьба многих поколений людей.

Часть 2 **«Путь Севера».**

«Путь Севера» - так назывался поселок, в который мы приехали в начале лета 1935 года. Теперь он известен под названием Новый Васюган. Все хорошо помню: мне было девять лет, и я окончил к этому времени первый класс. Поселок мне очень не понравился после Среднего Васюгана, где прошло моё раннее детство. Поселок только что начинал строиться и представлял из себя всего одну улицу, по обе стороны которой стояли некрасивые домишки-избушки в одно-два окошка без наличников, сложенные из сосновых бревен разной толщины с необрезанными

углами. Крыша на один скат из горбылей, насколько мне помнится, засыпалась землей. Каждая избушка рубилась из тех деревьев, которые тут же и стояли, а часть их брали так, чтобы получилась улица. Это только так называлось «улица», она вся состояла из пеньков, так что по этой улице проехать на телеге было нельзя, а нам играть было негде. Наш домик был последним в ряду. Рядом с ним стояла маленькая избушка-кухня, где варилась еда для свиней небольшого свинарника. В этой избушке жила семья свинаря. Это была большая семья, мне кажется, не менее 10 ребятишек было у них, мал мала меньше. Где они помещались, ума не приложу. В избушке стояла большая печь, от стены до стены и никакой мебели не было. Да её и поставить негде было. Может быть, спать они уходили куда-нибудь в другой дом. Одежды у них никакой не было. Даже валенки на всех были всего одни и на двор они выходили по одному. Босиком они бегали не просто до снега, а до больших морозов.

В нашем огороде еще не было грядок: он был занят деревьями, их ещё предстояло спилить. «Огород» – это громко сказано, это был участок леса, отгороженный забором в одну жердину. Мы с братом ходили в огород собирать чернику. С молоком ели чернику – это был наш обед. Вечером, когда родители приходили с работы, мы в огороде собирали грибы, ходить далеко не надо было.

В нашем доме было всего одно окно. И одна печь-плита без обогревателя, так что тепло было только тогда, когда в печи горели дрова. Первое, что сделала мама после вселения в новую квартиру, – заштукатурила стены (замазала их глиной) в единственной комнате и побелила их.

В это лето в поселке построили и общественные здания: школу, магазин, здание комендатуры, баню и, наверное, другие здания, я не помню их, так как не ходил в тот, дальний от нашего дома конец поселка.

Здание комендатуры было самым большим строением всего поселка. Оно стояло на высоком берегу и от него вниз, к пристани на реке был крутой спуск (и единственный). Хотя никакой пристани не было. На берегу у самой кромки воды были врыты стоймя несколько бревен, за которые зачаливали канаты с приходивших иногда паузков с людьми или какими-либо грузами. Вот об этом-то я и хотел рассказать подробнее, так как это событие было центральным явлением, вокруг которого вращалась вся жизнь поселка и все люди так или иначе были связаны с этим, вернее с этими событиями. И наша семья прибыла сюда на одном из таких паузков. Мы ехали в числе нескольких семей в «Путь Севера». Мой отец был переведён сюда агрономом Васюганской комендатуры из Среднего Васюгана, где он работал начальником метеостанции. Паузки приходили в «Путь Севера» почти каждый день. Людей выгружали на берег. Иногда они здесь же ночевали, а утром уходили со своими вещами прочь из поселка, сколько-то их оставалось, но их было слишком много и большую часть их увозили в сторону поселка Волково, если мне не изменяет память. Многие паузки, ведомые катером на буксире, уходили дальше вверх по реке Васюгану, даже не останавливаясь. Однажды, когда мы с ребятами пришли купаться в реке, к берегу подошел катер с паузком, и его причалили к берегу, спустили на берег трапы и стали выгружать вещи и людей. И тут наше внимание привлекли крики, которые раздавались с паузка. Это не было для нас удивительным, так как подобные события происходили, считай, каждый день в то время. Но тут было что-то необычное. Мы подбежали поближе и стали наблюдать, что же происходит. Оказывается, люди, которых привезли на барже, отказывались выходить на берег. На них кричали, хватали за одежду и пытались выволочь по трапу с паузка, но люди ложились на пол и оставались лежать. Тогда конвоиры хватали этих людей, укладывали на носилки и, спустившись на берег, сбрасывали на землю. Стоял шум: кри-

чали женщины, кричали дети. На это было страшно смотреть, и мы убежали домой, не стали ожидать, что будет дальше. Только на другой день мы пришли туда посмотреть, но никого уже там не было. Спокойно бежала темная вода Васюгана. Ни души около комендатуры. На берегу внизу около реки тоже было пусто, на воде ни лодок, ни катеров, ни паузков.

Куда подевались люди? Нам расхотелось играть и купаться.

Я прибежал домой и рассказал маме. Она сказала: «Это молокане»¹.

Я не знал что это такое, но расспрашивать маму тогда не стал.

А потом случилось еще более страшное, что изменило жизнь и нашей семьи в том числе. В соседней деревне был убит комендант Васюганской комендатуры Никитин. Наш отец был арестован и обвинен, Бог знает, в чем, и в 1937-м году был расстрелян в Колпашево.

Всё рассказанное мной выше – это исторический фон, но в который уложилась и история моей жизни и жизни всей моей семьи.

Свидетель событий, пострадавший во время политических репрессий.

Иллюстрации автора

---

¹ «Молокане - это одна из сект духовных христиан. Возникла в России во 2-ой половине 18 века. Отвергают священников в церкви, совершают моления в обычных домах. Общинами руководят старцы-пресвитеры. Постепенно разделились на ряд групп» Советский Энциклопедический Словарь, издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1980г.